

Борис
Берлин
Б

слово **В** начале
было

Борис Берлин

Вначале было слово

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8205743

«Вначале было слово» / Берлин Б.: ИП Э. Б. Ракитская (R) «Э.РА»;

Москва; 2014

ISBN 978-5-000390-80-1

Аннотация

Вначале было слово... но еще до рождения тебя я знал, что ты – есть. И не важно, где ты сейчас – это временно, ведь сила этого чувства все равно соединит нас. И не важно, сколько жизней должно пройти. Ты – есть...

Содержание

Сказки для Сонечки	5
Сказка про Сонечку	5
Он	5
Он	7
Она	8
Он	9
Она	10
Он	11
Он	13
Она	14
Он	15
Сказка про почти	17
Зимняя сказка	23
Дождливая сказка	29
Сказка про слишком	36
Ее письмо	37
Его письмо	43
Небесная сказка	45
Счастливая сказка	57
Пятое время года	61
Пятое время года	61
1. На левом боку	61
2. Анорексия	63

3. Гипноз	67
4. Темные аллеи	73
5. Ласточка и цветок	75
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Борис Берлин

Вначале было слово

Сказки для Сонечки

Повесть

*Не бывает сказок с несчастливым концом.
Ведь кто ответит, что такое несчастливый
конец, если неизвестно, а конец ли это – вообще...*

Сказка про Сонечку

Он

Я бы рассказал вам, как я сочиняю свои истории, только вы все равно не поверите. Настолько просто, чтобы быть правдой... Даже когда сочиняешь собственную жизнь. А уж – их-то...

Случись по-другому, наверное, я стал бы писателем. Возможно, я был им в прежней жизни или окажусь – в будущей. И тогда цена у моих историй будет – другая...

Я даже точно знаю, сколько времени мне понадобится,

чтобы закончить – эту. Ровно одна ночь, потому, что именно столько мне осталось до встречи с ней – с Мартой. И тогда уже станет не до историй, ведь мы не виделись так долго, а сколько не увидимся – потом...

Какие уж тут истории.

А впрочем...

Соня, Сонечка, Сонюшка, Софья Михайловна...

Уже здесь я узнал, как тебя зовут. Год спустя. Адвокат привез мне фото – мама и ты... Такая крохотная, такая беззащитная. Волосенки темные, короткие, торчат во все стороны – вот ежонок и все – шелковые иголки, глаза – бусины. Я посмотрел на фото и вернул. Нельзя, потому что – слишком велик соблазн. И будет невозможно терпеть и стерпеть. С тех пор я тебя не видел. Вас – не видел.

А во сне я часто с вами разговариваю – очень. С тобой и с мамой. Про все. Про нас троих, про вас. Всю длинную-предлинную ночь. Всегда.

Только про себя – нет...

Зато я придумываю для тебя сказки. Правда, они грустные и на сказки непохожи. Да и не сказки это, а просто разные истории, которые иногда происходят, а иногда – нет... Хотя считается, что случилось уже все, а значит и в историях этих тоже – правда. Это ты решишь сама, когда прочтешь, а прочтешь ты непременно, рано или поздно. А еще я придумал историю про то, как появилась – ты. Это обязательно долж-

но было случиться, ведь именно поэтому мы и встретились – мама и я. А для чего же еще?

Он

Вы слышите про меня почти каждый день. Меня показывают, обо мне рассказывают, даже пытаются взять интервью. Правда, безуспешно, потому что – конвой

В Европе холодно. В Италии темно.

Власть отвратительна, как руки брадобрея,

Осип Эмильевич, дорогой, вот именно с вас, с вашего стихотворения все и началось. И кто бы мог предположить, что старый и зачитанный сборник ваших стихов...

Я не стану оправдываться и не стану обвинять, не буду рассказывать, как я стал тем, кем стал. И почему сейчас я нахожусь там, где нахожусь.

Но просто, чтобы вы – поняли...

Потому что дальше все начнется с самого конца. И если вы захотите бросить посередине, то, по крайней мере, у вас не останется чувства неизвестности. А если нет, то вместе со мной неизбежно окажетесь в самом начале. Ведь там не только все начинается, но и все заканчивается перед тем, как начаться снова...

Собственно, я сказал уже почти все.

А теперь – о любви...

Она

В эту секунду я отчетливо поняла, что мы с тобой уже никогда не окажемся в Италии.

Господи, далась мне эта Италия, сама не знаю – почему. Так много стран, где мы с тобой не окажемся уже никогда, но почему-то именно мысль об Италии приводит меня в бешенство.

Насмешка судьбы. Это я раньше так говорила и думала – до тебя. Потому, что ты говорил по-другому, ты говорил, что судьба не может насмехаться, это противоестественно, она либо улыбается, либо ухмыляется. И я соглашалась, как соглашалась с тобой всегда. А потом – сейчас, я поняла, что и это тоже совсем не так. Она не улыбается и не ухмыляется. Ей – все равно.

А я и хотела бы улыбнуться, но...

Лысая голова, умные и такие грустные глаза, трехдневная щетина. Будто со страницы модного журнала. И – конвой.

«Признать виновным», фраза, добавляющая к слову «счастье» приставку «не», после чего все уже...

Вот только ни одна Италия не вместит такого количества тебя, которое во мне. Это просто еще никому неизвестно, даже тебе. Поэтому, решать буду я сама. И за тебя, и за себя, и – за нее. Ведь ты так хотел девочку, правда?

...Фуражки смыкаются за тобой, как двери в метро.

Он

Ее зовут Марта. А имя определяет судьбу. Ее имя – мою судьбу. Март, это мое вечное томление ею, ожидание ее, даже когда она рядом, вот – протянуть руку и... Движение, растянувшиеся на, без одной ночи, полтора года. Но и это пока не счастье, а лишь ожидание, лишь возможность, лишь – почти. Хотя здесь, за это время, которое совсем непохоже на ваше, я много раз успел понять, что и ожидание счастья – тоже счастье, только зовется по-другому – надежда. И если теряешь ее...

...За мою не такую уж и долгую жизнь меня называли по-разному – Мишка, Мишенька, Михаил, Михаил Романович. Я успел побывать пацаном, студентом, инженером, президентом компаний, даже – олигархом. Так меня называли за глаза и в газетах. Сейчас я – зек. Один из... Я понимаю свое настоящее и с очень большой долей вероятности знаю свое будущее. Вернее, то, что его – нет. Я, вообще, много чего понимаю и много чего помню. И много чего – мог, слишком много.

Меня снова подвела любовь к чтению, смешно – правда? Знаменитый Кармадонов девиз – «ничто не слишком». Господи, да если представить, какие невероятные и непредсказуемые мелочи делают нашу жизнь... Сделали мою жизнь... А вместе с ней – и твою, и...

...Ты не забудешь меня никогда, просто – не сможешь, потому, что это молодость, а она не повторяется. И все происходит в первый раз. Потом, после – повторяется многое, а вот то, что впервые, когда еще...

Мы познакомились на собачьей выставке. Я привез туда своего приятеля Валерку с его спаниелем, и пока они были в ринге, просто ходил и смотрел вокруг. И увидел трех щенков таксы на продажу. А рядом стояла она – Марта.

Я спросил:

– Девушка, а всех сразу – отдадите?

– Только в хорошие руки.

– Руки очень хорошие, я обещаю. Точно...

Она подняла на меня глаза, и декабрь – кончился. Обрат-но я вез ее, а не Валерку. Со щенками вместе.

Она

Соня, Сонечка, Сонюшка...

Ты ведь сказал: «Реши сама». И я решила, пусть будет Со-ня.

Она – мой колокольчик, мое спасение. В ней – ты и вся моя жизнь, и все счастье. Сначала его было так много, ка-залось – из него состоит мир. Потом стали отваливаться ку-сочки, куски, глыбы. Остались крупички. Горстка. Только не рассыпать случайно, не забыть, не растерять. А вот – зажать в кулаке...

Рожать – легко.

...Я лежала в палате – обессиленная и совершенно нездешняя – просто еще не успела вернуться оттуда, где выдаются дети. И вдруг ощутила именно его – счастье. Как будто в меня вошел бог, и я – вся свинцовая, измученная, тяжесть во всем теле – могу летать. На самом деле и несмотря ни на что. У нас с тобой родилась – Соня...

Он

Почему мне все-время хочется сказать про нее – была?

Она ведь есть, жива, здорова, это я знаю точно. Я и еще кое-что знаю, даже здесь, даже – отсюда. Потому, что... ну, в общем, олигарх, он и есть олигарх, пусть даже – бывший. Но вот думается мне о ней именно так – была – в прошедшем времени. Синдром – почти. Лагерный синдром...

...Она была солнечной с голубыми глазами. От страсти глаза темнели и делались синими, а в последнее время, когда она уже научилась ненавидеть, светло-светло-серыми, ледяными. А все остальное было просто – мое. Вот... ее цвет, вкус, запах, ее ужимки и жест, которым она закалывала волосы после... Ее голос. Ее ногти...

Мы решили пожениться...

Тому, кто никогда не лишался свободы, мой рассказ может показаться скучным и однообразным. Вот как «Песнь

песней».

Что же это такое, – скажет он – Есть ведь и другая жизнь вокруг, нельзя же заикливаться на одной, пусть любимой, женщине.

Можно.

А другая жизнь... Она существует только – за. Здесь – ее нет.

В тюрьме, в лагере есть только – здесь и сейчас. Мой холод и мой голод. Отсутствие свободы – это не больно, просто начинаешь мыслить, как животное. И чтобы не превратиться в него – и быстро, гораздо быстрее, чем вам кажется – бросаешь сам себе спасательный круг – мысли о ней...

Тот, кто не смог, не нашел, просто ест, спит и выживает. Это не плохо и не хорошо – так вышло. Как в жизни... Потом, на свободе, им гораздо легче, чем нам. Зато, нам гораздо светлее – здесь.

Но всем – одинаково тошно...

Так вот, про – пожениться...

Примерно через неделю после знакомства, мы шли по набережной, и я вдруг сказал:

– Знаешь, чем я вчера занимался?

– Нет. А – чем?

– Составлял список приглашенных...

– Куда?

– На нашу свадьбу...

– Ну и как?

– Много народу получается...

– Это славно, – ответила она, и я понял, что жизнь удалась.

И неважно, что будет потом...

И когда наступили кирзовым сапогом – на горло, я не умер и почти, почти дожил.

Этот чертов лагерный синдром. Синдром – почти...

Он

Свидания нам разрешили не с первого раза, не со второго и даже не с третьего.

За это время я успел понять, что время это черед бесконечностей, которые тоже, рано или поздно, заканчиваются. С тобой или без тебя, но – всегда. Моя нынешняя бесконечность должна закончиться завтра. Я не говорю и даже не думаю – «закончится», а именно – «должна закончиться». И это правильно, потому, что «закончится» – это категория определенности, которая здесь неприменима. Ее просто – нет. Впрочем, и многого другого – нет тоже. Зона.

Полтора года назад, за минуту до того, как лязгнула между нами первая из множества тюремных дверей, Марта спросила – одними губами:

– Как ее назвать?

– Реши сама. Я прошу только об одном, постарайся ее убедить от всего, от чего я не смог уберечь тебя. Больше – ничего.

Она кивнула. Дверь захлопнулась.

Она

Я ехала к нему и видела – его руки...

Не лицо, не глаза, не губы, которые... Руки. Через них я помню – его. Помнит мое тело и мой мозг, и мое сердце, все то, что – я... Я так и скажу: «Я соскучилась по твоим рукам...» И – произнесу его имя. Не про себя, не в мыслях, не во сне, а – просто, возьму и скажу, прямо в его ладони... Ему...

...Меня пропустили, привели, усадили, дали стакан воды и сказали, что ты – умер. И показали какую-то бумагу. И – прочли. «Около четырех часов утра... от острой сердечной недостаточности... врач... дежурный офицер охраны... подписи...»

...«Запомни, ты – это мое сердце...» – твои слова.

И значит, тебе так остро не хватало меня, что ты – умер. Нет, не умер, просто не смог жить дальше. Это ведь совсем не одно и то же...

...Как это чудовищно и глупо звучит: «Ваш муж – умер...»

До сих пор не понимаю, как они смогли это произнести, а я – понять. Но упала я не сразу, а через минуту, когда сказала, что хочу увидеть тебя, хотя бы – твоё тело. И услышала:

«Не положено»...

Тогда я – упала. Наверное, даже – умерла, потому что это был единственный способ остаться с тобой еще хотя бы... Восемь часов между твоей и моей смертью.

Ведь представить себе твое холодное, брошенное неизвестно кем и неизвестно куда, никому кроме меня не нужное – тело...

...Потом я ожила. Не думать ни о чем – вот единственное, что мне оставалось. А если не получится, придется сойти с ума, чтобы раз за разом не слышать одни и те же слова:

«Ваш муж умер – не положено...»

«Не положено...»

«Не положено...»

Тогда остается только пустота. И ты в ней тонешь и барахтаешься, и...

Впрочем, вот этого «и» у тебя тоже – нет.

Пустота. Точка...

Он

...Скоро четыре. У меня нет часов, но есть звуки, по которым учишься определять время довольно точно. Завтра уже наступило и превратилось в сегодня. Всего несколько часов и...

Полтора года я не видел женщины, а она, Марта, не видела – меня.

И у меня дрожат руки. Потому, что это – долго. Очень долго. Мы могли бы встречаться гораздо чаще. Но между тем, что говорит закон и лагерное начальство...

Я ее почувствую. Сначала – кончиками пальцев – ее дрожь, ее всхлип, ее кожу. Потом... всю ее почувствую и через нее – себя и время, которое все-таки движется...

– Сколько времени? – шепчет она во сне.

– Без нескольких часов вечность – отвечаю я. – Спи, моя радость. Увидимся завтра.

Увидимся зав...

Здесь текст обрывается.

Эту тетрадь я нашла в почтовом ящике через год и два месяца после Мишиной смерти. Я не знаю, как она там оказалась. Со мной никто не пытался связаться ни до, ни после. Но все тексты написаны его рукой, его почерком. На обложке надпись: «Сказки для Сонечки». Кроме той, которую вы только что прочли, в тетради еще шесть:

«Сказка про почти», «Зимняя сказка», «Дождливая сказка», «Сказка про слишком», «Небесная сказка» и «Счастливая сказка».

Вот они – все. Читайте...

Сказка про почти

...Они-таки вымокли насквозь, до нитки, и теперь, вместо того, чтобы целоваться, почти бежали прямо по лужам, оглядываясь и ища, где укрыться.

– Вон кафе, видишь?

– Ага, побежали...

Внутри было чисто и, самое главное – тепло. У стойки сидел бородатый мужчина и задумчиво смотрел в свой стакан. Стакан был пуст. В дальнем углу – молодая парочка, уставившаяся в открытый ноутбук. Больше никого не было. На бармена, как обычно протиравшего бокалы, они просто не обратили внимания. Они уселись за крохотный столик в углу у окна и сразу же принялись трогать друг друга глазами. Они умели это очень хорошо, и потом, это было приятно – обоим. Когда-то, в самом начале, она даже заикалась от волнения, ощущая на себе его взгляд.

– Ну и что – теперь?

– Не знаю. Хорошо бы выпить чаю. Хочешь чаю?

– Ты же знаешь, я всегда хочу того же, чего и ты. Ну...

Чай был – ничего особенного, зато горячий.

– Хочешь еще?

– Нет, спасибо.

– Тебе пора?

– Если только к тебе...

– У нас с тобой через час свидание. Ты не забыла?

– У нас свидание длиной в вечность. Но я все равно помню...

– Это очень хорошо. Я бы не хотел причинять неудобства и осложнять тебе жизнь.

– Ты и так мое главное осложнение. Непроходящее и неизлечимое...

На мокрый подоконник уселся воробей, отряхнулся и, наклонив голову, уставился на них через окно.

– Жалко, что я не воробей...

– Ты – как раз воробей, а я тебя поймал и держу.

– Отпусти, а?

– Не могу. Правда – не могу. Не из-за себя, из-за тебя самой, понимаешь?

– Понимаю, да...

– Ну вот. То-то же...

За все эти долгие годы семейной жизни они все еще не смогли привыкнуть к обладанию.

Обычные, среднестатистические эгоисты в прошлом, встретившись, они чуть было не прошли мимо, а потом, вдруг прикипев намертво, принялись отдавать себя друг другу с таким исступлением, что это было – мучительно.

Мучительно хорошо. И ужасно нравилось обоим, иначе – какой смысл?

Еще – у них были ночи. Долгие, до краев наполненные же-

ланием. Даже в самые темные и безлунные часы, свет ночника под шелковым зеленым абажуром начинал пульсировать, касаясь их разгоряченных тел. И – это постоянное желание прикоснуться друг к другу. Столько лет женаты, а ни намека на сдержанность – везде, повсюду.

Вот и сейчас – он смотрит на нее... Это просто неприлично, так смотреть на женщину – пусть и твою – в общественном месте...

– Не смотри так...

– Почему?

– Потому, что иначе, я сейчас начну раздеваться...

– Именно этого я и хочу...

– Тогда нас арестуют.

– Все равно. Я тебя...

– Потом, ну...

– Но я хочу – сейчас.

– Я знаю, знаю, знаю... – Она плачет.

– Что же ты плачешь, вот еще... Я ведь не тиран какой-нибудь, в конце-то концов. Так и быть, пошли домой, там и разденешься. Все равно промокли насквозь, а?

– А чай? Я хотела еще...

– Дома попьем. Все – дома.

– Но...

– Пошли, пошли, пошли...

...Дождь кончился. Они выходят из кафе, идут по мокрым

улицам, взявшись за руки.

Город уже проснулся, начинают просыпаться люди. Первые прохожие смотрят на них с недоумением, ведь чужое счастье, дикорастущее, необузданное, непонятное – всегда внушает опасения. И в самом деле, странная парочка, глаза, конечно, счастливые, но уж больно несолидное выражение лица, особенно, у него – а ведь такой представительный мужчина. Про нее и так все понятно с первого взгляда, про таких в детстве говорят – втюрилась. Ну ладно, она – женщина, а вот он – вообще ни в какие ворота... Идет быстро. Почти бегом, тащит ее за собой, грея на ходу ее ладошки губами, смеется легко, запрокидывая голову, как она, точно, как она – совсем не думая про окружающую жизнь и мир вокруг. Неужели – любовь?

Они идут быстро-быстро и все-таки – медленно. Они идут к расставанию, за которым – встреча.

– Смотри, сколько улиц и все – наши.

– Ага... Я так люблю этот город. Жаль, что его нет на карте.

– Эти карты... Мало ли кто их рисует. Главное, что его знаем – мы. Мы знаем его – наизусть...

– Да, да. Какое хорошее слово – наизусть. Из уст – в уста. Я так люблю – в уста...

– Я знаю. Я знаю про тебя – все. Вот, скажи, почему я всегда тебе рад? Почему ты всегда со мной согласна?

– Наверное, потому, что нам друг с другом – упоительно...

– Да, но есть еще одна причина.

– Какая?

– Только никому не говори, ладно? Просто все улицы этого города ведут в одно и то же место. Откуда бы ты не вышел и куда бы ни направлялся, всегда придешь туда – к согласию.

– Надо же. А я и не догадывалась.

– И не надо. Прими это просто, как подарок и все.

Он останавливается и оборачивается к ней. В его глазах – радость. Им – хорошо. И она приникает к нему, хотя – куда уж ближе.

– Ну, вот мы и пришли. Ты не устала?

Перед ними маленький домик. На окнах – ставни, все увито плющом. Лишь кое-где еще видны сами стены, покрытые посеревшей штукатуркой.

– Прямо, как в сказке... – она улыбается и тычется носом ему в шею.

Он начинает хлопать себя по карманам, пытается найти ключ.

– Ну, что? Опять – потерял?

– Похоже... Прости, а?

– Не проси. Никогда не проси у меня прощения. Потому, что нет такого, что я бы не смогла тебе простить, понимаешь?

– Понимаю. Все-все понимаю. Но что – теперь?

– Теперь? А разве ты забыл? Счастье...

Они тут же забывают про ключ, которого, впрочем, никогда и не было, да и дом этот они видят первый раз в жизни... Они забывают про все и просто стоят, прижавшись друг к другу – горячо и долго. Так долго – почти всю жизнь.

Пожалуй, слово «почти» – лишнее.

Вычеркиваю.

Зимняя сказка

– Скажи, а сколько у тебя было женщин? Вот, всего, понимаешь, вообще?

– Ну-у-у... Я же их не считал, бухгалтерию не вел. Не могу вот так – сразу...

– Ну, тогда, хоть примерно... Примерно сказать можешь?

– Хм, а зачем тебе вдруг понадобилось... Примерно... Ну, тридцать-тридцать пять... Скорее, тридцать пять – если навскидку. Да, пожалуй... А что?

– Да, просто так. Интересно. Выходит, тогда я – тридцать шестая...

– А какое это имеет значение? Главное, что ты – последняя.

– А вот это никогда неизвестно...

– Тебе – неизвестно, а мне – как раз, известно. И это не обсуждается.

– Почему же? У нас, между прочим, свобода слова.

– Где это – у вас?

– Ну... У нас, здесь... У Христа за пазухой...

– Ага. Тогда понятно... Я тебе так скажу. У вас – ну, там, за пазухой – может и свобода слова, а здесь – только, когда тебе это самое слово дам. Так что...

– Перестань, так нечестно! Я очень даже серьезно настроена.

– А уж я – серьезней некуда. Ты даже представить не можешь. Ты ведь чувствуешь, насколько я серьезен, правда? Ну, скажи, скажи...

Я хватаю ее в охапку и тискаю, и треплю, и целую, как щенка, как игрушку, как вещь. А ей – я знаю наверняка – господи, как же я ее знаю, лучше, чем самого себя, ей хочется – до ужаса, до боли, до боли, до боли на – разрыв, ей хочется разомлеть в моих руках, набухнуть и расцвести, и брызнуть, а потом – маленькой девочкой – забраться ко мне за пазуху и уже не вылезать, и под рукой быть – всегда, если вдруг мне...

И все это у меня – в первый раз в жизни. Хотя, конечно, тридцать шестая, да...

...И тогда, чтобы не сойти с ума – естественно! – не от обычного человеческого, а какого-то физического, магнитного притяжения с последующими неизбежными плотными прикосновениями, да еще, с абсолютным совпадением разорванных когда-то краев, мы даже – поженились.

Я думал – быт поможет, утихомирит голод.

И внешне мы, на самом деле, успокоились, обычная семейная пара. Но вот ночами, часто, я просыпался, смотрел на нее спящую и...

И еще – эта ее тонкая шея...

Мне нельзя ее потерять. Ну – никак, не смогу, не выживу...

Потом я снова засыпал. Обнимал ее и засыпал, завидуя

сам себе...

Дети – ее и мои, впрочем, как и все окружающие, поглядывали на нас с усмешкой и несколько снисходительно – мол, совсем старикам крышу снесло, никакого удержу на них... А нам-то ведь на двоих – еще и ста лет не исполнилось, да и это – только самое начало...

А года через полтора они познакомились с Саней – моим сводным братом по отцу. На пять лет меня младше. Почему это заняло столько времени, ответить не могу. Ни мы его не избегали, ни он нас, а – просто... У него своя жизнь, у меня – своя, вот и все. А тут, вдруг, решили вместе съездить отдохнуть, ну и – отдохнули. Только мы приехали первыми и к приезду Сани даже успели загореть. А он явился прямо на пляж со своей очередной пассией, ну и провели мы две недели вместе, вчетвером. Не скажу, что было плохо, но не любитель я восторженных дам в хутини в больших дозах. Хотя, хутини были вполне к месту, ничего не могу сказать... Девочка моя сначала Саньку немного... сторонилась, зато к Алле – даме его, расположилась сразу и глядела на нее с обожанием – мерила ее шляпы и слушала рассуждения о тенденциях высокой моды...

Потом – мы вернулись и началась обычная жизнь – неповторимая и хрупкая. До ужаса.

Привычки, недомогания, пригоревший омлет, работа и

наши тела ночью – совсем рядом. Я вжимаюсь в нее всем существом, вздохнуть не даю...

– Ты моя маленькая... Моя единственная...

– Да, да, да... Спи...

По вечерам она стала довольно часто заходить к Алле. Поначалу звала и меня, но я отказывался, мне вполне хватало бани с Саней раз в месяц – на большее я не претендовал.

Настала и быстро кончилась осень – со слякотью и всхлипами, наступила – зима.

...Этот разговор... Я помню его – как сейчас – до мелочей, до вдоха...

– Я хочу... Мне надо с тобой поговорить...

– Да... О чем?

– Сядь, пожалуйста...

– Так я... сижу...

– Да, разумеется. Прости, я... Значит, вот что... Я хотела сказать тебе...

– Что с тобой, а? Устала? Ты какая-то...

– Да, нет, ничего... Дело не в этом. Я... не знаю, как сказать. Как начать... Господи, ну...

И тут я понял. Все и сразу. До меня дошло, наконец – дошло.

– Понимаешь, мы с Сашей, с Саней...

– Стоп! Остановись. Ничего не надо говорить. Ты ведь еще ничего не сказала, понимаешь? Пока еще – ничего. И

значит – ничего не случилось, да? И ничего не случится! – я хватаю ее за плечи и с силой прижимаю к себе.

– Подумай, прошу тебя... Прежде, чем ты...

Она вырывается, отталкивает меня изо всех сил. Еще миг – и жизнь кончится. Моя жизнь – кончится... я не могу, не могу позволить...

...Провал. Туман. Черная дыра.

У нее была такая тонкая шея...

Тридцать шестая – последняя...

...– Ну, как тебе?

Она сидит, уставившись в монитор невидящим взглядом и молчит.

– Что, неужели все так плохо? Ну?

– Да нет... Нет, не плохо... Наоборот – хорошо, даже слишком хорошо... – она поворачивается и обнимает меня за шею.

– Знаешь, ты – гений...

– Ну, ты скажешь...

– А я говорю – гений... Когда я читаю твои рассказы... понимаешь, все остальное – просто исчезает... Я существую только в них. Я просто выпадаю из реальной жизни в эти минуты, понимаешь? Я там – внутри... Я... Это жутко... Я вдруг почувствовала твои пальцы, как они смыкаются на моей шее. И сразу – нечем дышать...

Она рвет ворот блузки, нервно смеется. В лице – ни кро-

винки. Она – моя. Все-таки – моя. Вся.

И эта тонкая шея...

– Алло! Саша? Привет, это я... Нет, все в порядке. То есть – не совсем. То есть – совсем не в порядке. Но это неважно. Слушай, я звоню... Я не приду завтра... Не могу. Не могу – и все... Нет, нет... Не уговаривай меня, я не могу, я – боюсь... Не знаю когда, не знаю. Может – вообще... Это очень опасно, очень. Ты просто не представляешь... И ужасно глупо... Я больше не могу говорить... Прости, прости... Все, Саша, все – пойми. Нет, нет, больше не звони... Не звони больше. Не звони никогда...

Она кладет трубку и прижимается лбом к покрытому инеем стеклу...

...Я – улыбаюсь. Я умею сочинять истории. Я – умею... Хотя, они никогда не сбываются, но тем лучше, разве – нет?

– Скажи, а сколько у тебя было женщин?

– Ты – моя женщина. Единственная. Навсегда – до самой смерти.

До самой смерти...

До самой смерти...

Дождливая сказка

– Я ужасно хочу с тобой проснуться...

– Ну, что же, это замечательное желание. Я бы и сам...

– Да нет, я не шучу, вовсе – не шучу.

– Да? Ну и как ты себе это представляешь?

...– Осень. Самое-самое начало. Домик в лесу. По утрам уже холодно и туман. Кусты черники у самого крыльца. Паутина на ветках. Под крыльцом живет барсук...

Воздух... он кажется хрустальным. Чуть двинулся и картинка – рассыпалась...

В спальне просторно и прохладно – широкая кровать и сбоку большое-большое зеркало в старинной раме.

В нем – едва наступившее утро.

Я открываю глаза, а на подушке, совсем близко – твое лицо.

Так я это вижу...

– Хм... Красиво. А, скажи, ты принесла то, что я просил?

– А?... Ах, да, конечно же, миленький мой, я же все записала в прошлый раз. Смена белья, клюква с сахаром, чай, как ты любишь, зеленый, крупный, с листьями...

– Спасибо, все правильно. В тумбочку засунь поглубже, ладно? А-то Тома, не дай бог, увидит – расспросы начнутся...

– ... Ну вот, все сделала, не увидит она ничего. Ты сам-то

расскажи – как ты тут? Что доктора говорят?

– Да все нормально. Ну, в смысле, как должно быть. Ничего такого... Слушай, ты это... Ты иди уже, а? У нас обход вот-вот начнется, а профессор очень не любит, когда в палатах посторонние.

– Так я же только пришла. Я ведь даже и не потрогала тебя совсем, не поцеловала даже...

– Вот и хорошо и правильно. Мне лечащий врач так и сказал – не перевозбуждаться пока.

– Ну, прости меня, ладно? Я... понимаешь... я просто скучаю по тебе очень...

– Да я понимаю, понимаю, что я не человек что ли? Ты знаешь, ты в следующий раз пасту принеси зубную, ладно? Я то ли свою куда-то задевал, то ли – украли... И что-нибудь почитать, а то тоска здесь смертная. Ну, там, детективчик какой-нибудь, боевичок... Ты же ведь, кроме своей Франсуазы Саган и слышать ни о ком не хочешь...

– Все принесу, все сделаю, не беспокойся... Милый мой, красивый мой...

– Ну, ладно, ладно. Тогда – до понедельника, да? И лучше, если утром, как сегодня. Отпросись там на работе, что ли. Ну иди, иди...

Тоненькая блондинка с грустными глазами, молодая, гораздо моложе того, к кому пришла, наклоняется и быстро целует его в щеку. Поцелуй быстрый – почти мельком, но такой нежный и трогательный, что у меня даже дух захваты-

вает. Она уходит, и стук ее каблучков еще долго доносится до нас из коридора.

– Жена? – спрашиваю я и поднимаю вверх большой палец. – Симпатичная, красивая даже. А ты с ней строго, вольностей особых не допускаешь. С женами, с ними так и надо – чтобы любили крепче...

Он хмурит брови и смотрит на меня. Густые, черные с проседью волосы – перец с солью, глубоко посаженные тревожные глаза и марлевая повязка на всю грудь – операция на открытом сердце. Старая жизнь кончилась, новая – еще не началась...

– Что? А, нет, не жена... – вздыхает. – Светлана это, любовница...

– А-а-а... Счастливчик ты.

– Да, такой же, как и ты. Все мы тут – одинаково... А ведь еще две недели назад и не вспоминал о нем, стучит себе и стучит. И – ладно. И не думал о нем никогда... А она – он кивнул в сторону двери, – ну, Светлана, так и сказала однажды – ты, говорит, бессердечный, Володя, нет, говорит, у тебя сердца. Это, когда я на рыбалку на неделю уехал с мужиками, а ей ничего не сказал. А до этого, мы обязательно, хоть раз в день, перезванивались. В течение двух лет...

– А что, может и права была. Два года, это – знаешь... Мог бы и предупредить.

– Да мог бы, мог бы, только... Вот, понимаешь, она какая-то... как не от мира сего. Беззащитная. Вроде, любой ее

обидеть может, а она – ничего. А таких, иногда, как назло, обидеть тянет – не замечал?

...Мы ведь с ней, со Светланой, за это время узнали друг друга, как облупленные. И она – меня, и я – ее. Иные и за двадцать лет не успевают так, как мы за два года. Ну, с небольшим... Приросли мы и проросли друг в друга – хоть на части режь. И вот что странно, видишь ли, я с тех пор, как с ней – тоже стал меняться. И даже, оказывается, не замечал этого, пока вот – не прихватило...

– А какая связь? Я хочу сказать, между «меняться» и «прихватило»?

– А очень даже простая связь. Я из-за нее, понимаешь, душой размяк. Никогда раньше себе этого не позволял, а тут... Сам, вроде как, беззащитным стал, и вот – он указал на повязку – пожалуйста. Раньше-то, все, как у всех было, вот, как у тебя, наверное – жена, дети, работа, рыбалка, опять же... Иногда, понятно, женщины попадались – как без этого. А тут... – он запнулся.

...– Будто сумасшествие накатило какое. Как мальчишка стал себя вести – звонков от нее ждал, писем, каждые пятнадцать минут почту проверял... Домой приходил – как в тумане. И что меня особенно распяляло, знал, с самого начала знал, чувствовал – моя женщина. И не просто – моя, а в полной моей власти. Понимаешь – не преувеличиваю ни на йоту – в полной. Детей у нее нет, разведенная, вся ее жизнь вокруг меня. Я ей и муж, и бог, и... – он махнул рукой.

– Ладно, чего там... А ты сам-то – чем занимаешься?

– Я-то? Я, в общем... писатель.

– Серьезно? Никогда не думал, что придется с писателем вот так – запросто. Вам, я так думаю, легче на свете живется.

– Почему же?

– Да, просто, если что не так, как хочется, не так, как нравится, можно свое напридумывать и все. Чего хочешь.

– Ага. Вот я и напридумывал... Так напридумывал, что сам в это поверил. А – результат? В одной палате лежим и по одной и той же причине...

– Что, тоже любовь за жабры взяла?

– А что же еще? Чем еще проймешь нашего брата...

– Верно говоришь. До седых волос дожили, а так пацанами и остались... – он глубоко вздохнул и поморщился.

– Слушай, а что дома? С женой как и вообще...

– А что – дома? По-разному. Тамара, жена моя, она ведь, тоже, не дура, глаза-то есть. Сцен, правда, она мне не устраивала, да и не говорила об этом. Умная баба оказалась – жена моя. Ну и я тоже старался не слишком... Чтобы в глаза не бросалось. Ночевать вот у нее, у Светки, не оставался ни разу. Всегда – только дома. А так, раз-два в неделю и все. Так видишь, с другой стороны ударило, откуда и не ждал. Вот тебе и любовь...

...Ну, да – ничего, я теперь ученый. За одного битого, как говорится, двух небитых... Главное теперь, что заштопали меня, вроде, нормально. Оклемаюсь вот, и все по-другому

пойдет. По-другому, да...

На тумбочке звонит его телефон.

– Алло... Да, здравствуй, Томочка, здравствуй, милая... Да я – ничего, в самом деле нормально, и самочувствие, и вообще... Думаю, скоро выпишут. Скучаю я по тебе очень, очень скучаю... Есть все у меня, не надо ничего, слышишь? Ты вот сама приезжай, когда сможешь, только когда сможешь – ладно? В выходной приезжай, после работы не надо, я же знаю, как ты устаешь... Вот в выходной – другое дело... Я правда ничего не хочу, ну, то есть хочу, но... Ты удивишься... Нет, проснуться хочу – с тобой вместе, на одной подушке, понимаешь? С тобой – рядом – проснуться... Чего ты не поняла? Ладно и неважно, пусть... Ну пока, скоро я тебя увижу, а ты – меня... Целую...

– Жена. – он смотрит на меня и усмехается. – Удивил я ее сегодня... У нас ведь – как, особых нежностей и не было никогда. Я уж и не помню, в любви ей – признавался ли? Может, по молодости только, а так... Не в ходу у нас это слово. Жили и живем – как все. Привычка друг к другу, надежность, тоже ведь счастье, так? У других разве – иначе? У всех так, одной жизнью живем... Так нет, именно мне – под старость лет – счастье это. Жить мне теперь со штопанным-перештопанным сердцем, вот тебе и вся любовь. Это когда молод еще, здоров как бык, а – так...

Он вздохнул, осторожно поднялся с кровати, подошел к

окну.

Прижался лбом к холодному стеклу.

Ранняя осень. Воздух звонкий, хрупкий, ломкий. Тронь – рассыплется.

– Ишь, чего придумала, – донеслось до меня еле слышно. – Хочу, говорит, с тобой проснуться. Глупость-то какая, господи. Глупость и есть...

...Он стоял так, пока все за окном не начало расплываться и терять очертания, и сливаться с небом.

Наверное, пошел дождь.

Потому, что не может быть у человека столько слез...

Как вы думаете?

Сказка про слишком

Конечно же, я прочитал это ее письмо. И что прикажете с этим делать? Вот так всегда, она заварит кашу, а расхлебывать – кому?

Впрочем, вы ведь и сами догадались, да и она догадывается. Нет, пожалуй не так, какие уж тут догадки, она, как никто другой, знает точно. Ну что делать – не может она иначе. Потому, что – такая. Странная, непредсказуемая, суматошная. Моя. А стало быть, все, что у нее внутри, из чего она состоит, тоже – мое. И значит – внутри. У меня внутри. Сиамские близнецы – слышали? Это про нас. И длится это уже... неважно, всю жизнь. И – особо хочу сказать – с каждым прошедшим годом все меньше надежды, что когда-нибудь закончится. Так, как это бывает обычно – у всех, у каждого и всегда. И я не жалею.

Потому, что все очень просто. Вот – очень, вы не поверите. И даже еще проще.

Во-первых, из каждого правила есть исключения, как бы ни трудно было в это поверить.

Во-вторых, чтобы оказаться исключением из этого самого правила, нужно, на самом деле, совсем немного – понять, принять и смочь. Понять, что это так, принять это, хотя это совсем не так легко, как может показаться и, наконец – суметь, смочь быть им, на самом деле. Ну, хотя бы – друг для

друга. Остальное – ерунда, семечки.

И тогда, какие бы письма ты не получал, главным в них становится не текст, не слова и даже не их явный и тайный смысл, а то, что написаны они – ею. Я же говорю – просто, но она все еще, временами, не верит – потому, что трудно, без дураков. И начинает выдумывать, фантазировать и фонтанировать. Но за... неважно сколько лет, можно научиться с этими ее фонтанами и фантазиями разбираться? Скажу без ложной скромности... Нет, лучше вы у нее самой спросите, так вернее. Бывают, конечно, особые случаи, но и тут, при желании, именно при желании, всегда находится лекарство.

Например, всего несколько строк и фантазии превращаются в историю, правда, несколько необычную – у которой только начало. А больше – ничего – ни продолжения, ни развязки, ни конца – начало и все. А уж превратить эту историю в жизнь совсем ничего не стоит – поверьте. Просто, вдруг, видишь, что живешь-то ты, оказывается, там, внутри, и это и есть твоя жизнь и ни что иное. И остается лишь одно – со-ответствовать.

То есть – жить дальше.

Просто жить...

Ее письмо

Прошлой зимой у меня под окном сломалась яблоня. Вполне еще крепкая, в соку, и укутана была снегом до самых

бровей, просто здорово – белая шапка, шаль, рукавички – красота. Так много снега и солнца было на ней, и вдруг – закрипела, затрещала и медленно повалилась на бок, выставив вверх то, что осталось – свежую, почти такую же белую, как снег вокруг, древесную мякоть излома.

Вот я и спрашиваю – а может ли быть так хорошо, чтобы – слишком? Чтобы раз – и не выдержишь, сломаешься, упадешь?

На самом-то деле, я не о грустном. Как раз, наоборот, потому что – праздник. Годовщина. Наша с тобой годовщина.

И письмо это, поэтому, мое поздравление тебе. Ты ведь уже так привык их получать – утром, вместе с первой чашкой крепкого – чтобы ложка стояла – черного кофе. Вприкуску. Кофе и письмо от меня. Это потом у тебя будет все, как всегда – больные, операции, операции, операции. Чуткие, уверенные пальцы. Разрез, тампон, дренаж...

И ты даже не попытаешься мне ответить, ведь ты весь уже там – в своей работе. И новость, та, что уже давно пора бы мне... Она тоже промелькнет краешком сознания – вечером, все вечером...

Я знаю, я все это – знаю...

Оно будет с тобой весь день – мое письмо. Оно будет иногда прорываться сквозь обычный поток сознания и свет бесцветной лампы. А однажды, бросив, не глядя:

– Зажим, быстро! – и так же, не глядя, протянув руку с раскрытой ладонью, ты даже помедлишь, нет, не секунду, это

много – полсекунды, четверть секунды – чтобы снова сказать себе:

«Да, лучше, в самом деле, вечером. Сегодня же...»

...А вечером – снежные хлопья из разбухших от влаги туч, столик в углу, негромкая музыка и даже – не поверите – настоящий рояль в глубине зала. Все, как всегда, вот уже... неважно, сколько лет, а просто – всю жизнь. И я, как всегда – тоже. Платье светло-серого шелка и глаза, в которых – ты. И какие еще нужны украшения?

Как же много тебя, боже мой... и снаружи, и внутри – везде. И, волей-неволей, вспоминается та самая яблоня – неужели, неужели, может быть так хорошо, что – слишком?

Потому, что иначе, а чего же это она сломалась? И почему я не могу об этом не думать?

И еще – о той самой новости, о которой ты снова промолчишь.

Ну и что? Просто, ну... не пришлось к слову.

Но я – все равно – жду...

Я – выдумщица и болтушка. Я привыкла болтать без умолку, хохотать и прыскать от смеха. И вдруг – замолкать на полуслове и глядеть на тебя глазами, полными слез. Знаешь – почему?

Да, рассказать об этом – невозможно, но я написала стихи, потому что, ну, должна же я тебе объяснить. Хотя бы попытаться...

Еще не ветер. Пстой, пстой!
Ты держишь небо над головой.
Ты говоришь, что все будет ОК.
Хоть между строк...

Конечно, верю – но смерть? Но смерчь?
К ногам прижаться, на снег прилечь,
Чтоб, замерзая, сказать: «Домой».
Чтобы – с тобой.

За небом – небыль – леса и дым.
Еще не ветер, но мы летим.
Вся из тумана. Из силы весь.
Мы – вот. Мы – есть.

...Мы будем говорить, говорить, говорить, захлебываясь от счастья и друг от друга, ведь всего за несколько лет у нас накопилось столько воспоминаний – у иных за всю жизнь, да не за одну, столько не наберется. Но как раз о прошлом мы почти не говорим, наоборот, все время – о будущем. О пропасти, у которой нет дна и, значит, надо просто раскинуть руки и – лететь. А потом мы вдруг засобираемся домой, ко мне домой, когда я увижу, как изменился твой взгляд и как, совсем чуть-чуть, едва заметно, ты покусываешь нижнюю губу. И значит, смотреть уже мало, а праздник – он только начинается...

Мы – вместе. И не просто вместе, а один в другом. По

самую шляпку, по самое-самое....

И на целую эту ночь, мой дом – это твои слова, твои руки и твои губы. И – твое тепло. Точно как у той яблони. Ей тоже было тепло, снег – он греет. Но пока это совершенно неважно, правда? Потому, что я чувствую, как внутри у меня распускается цветок. Нет, целый букет цветов. Маковое поле. Ведь спать рядом, вместе – это почти несбыточно, а вот – случилось.

Утром я сварю тебе кофе, такой, как ты любишь. Обниму на пороге, поцелую, провожу на работу. И, уже спускаясь по лестнице вниз, ты снова, в который раз, вспомнишь и с досадой хлопнешь себя по лбу – опять, опять забыл... Ну, что же делать-то? Совсем вылетело из головы.

И сегодня, как назло, сплошные тяжелые случаи, и точно будет не до того.

А мой прощальный поцелуй – он весь день на твоих губах. Годовщина...

И лишь вечером, в машине, по пути домой, ты в последний раз вспомнишь про эту злосчастную новость, и – нельзя, нельзя откладывать, пока не передумал, да и все равно, дождь со снегом, ветер, ноябрь – самая середина. Надо же, наконец, решиться – пора. Да и... она – та, другая – тоже. Она ведь больше не может, все равно не будет покоя. И потом – честнее... И просто, чтобы поскорее и больше не думать, и

дома сразу завалиться спать, ты тормозишь у тротуара и пишешь. Пальцы бегают по клавиатуре, фраза выходит длинной, как змея, а так хочется покороче – короткий быстрый разрез, чтобы поменьше крови и не так больно: «Прости, я встретил другую. Мы расстаемся. Будь счастлива. Прощай». Точка.

И – выключаешь телефон.

...Я жду тебя, как жду всегда, каждый вечер, вот уже целую жизнь. Ведь ты придешь, потому, что приходишь тоже всегда, не сегодня, так завтра, через день или через неделю, но – всегда. Я знаю. И ужин готов, и накрыто на двоих. Именно в этот момент телефон вздрагивает, и из него выползает эта фраза-змея: «Прости... Мы расста...»

Я – читаю. Потом – читаю ее еще раз. Закрываю глаза и продолжаю читать – каждое слово, каждую букву. Слава богу, что она такая короткая. Ну, да – поменьше крови, и не так больно. И за окном – снег. Он ледяной, он может остановить кровь. И я падаю, валюсь в него, как яблоня. Ведь, если было так хорошо, что слишком – что же еще остается?

...Надо же, какое длинное письмо получилось. Ты прости, что я о грустном. На самом деле, сегодня у нас самый счастливый день – годовщина.

А новость эта твоя... Да бог с ней. Ведь до нее еще целых два дня и ночь, и утро.

И все это время – ты.

Люблю тебя.

Твоя Н.

Его письмо

С добрым утром, птичка моя!

Успел только увидеть твоё письмо, оно длинное, читать некогда, больной уже на столе – пора мыться.

Конечно же, я помню – сегодня наш праздник. Только наш с тобой – как всегда. И сегодняшняя вечер будет таким же, как всегда в этот день и таким непохожим на него. В общем, как мы сами.

Я заеду за тобой не позже семи. И пожалуйста, надень то мое любимое платье – серого шелка – ну, ты знаешь. Зачем я об этом говорю?

Сегодня утром, странно, почему-то вспомнил – у тебя, вроде, под окном какое-то дерево росло, большое – яблоня, что ли? Что-то давно я его не видел. И чего это я о нем, вдруг?

До вечера.

Конечно, люблю.

С.

...Ну, вот. Ты прочтешь это скоро, всего через несколько минут. И будешь вглядываться в каждую строчку, в каждое слово, искать тот самый явный и тайный смысл, и морщить

лоб, и шевелить губами, пока не вспомнишь то, что знала всегда. Что всего-то и надо – просто протянуть руку и вовремя расжать пальцы. И в твоей ладони вдруг окажется спелое, налитое яблоко с красным боком. Оно улыбнется тебе и скажет:

– Ну, что же ты? Кусай.

И та самая яблоня, целая и невредимая, как ни в чем не бывало, довольно кивнет и улыбнется – тоже:

– Видишь, слишком – это совсем немного. Кусай, ну...

Небесная сказка

В этом городе было все. Солнце, люди, сияющие и не очень витрины и бездомные собаки. Еще была осень – зрелая, наступившая осень со своим непростым характером.

Не было только меня.

Каждое утро ты наталкивался на мое отсутствие, вздыхал и отправлялся на работу и отдавался ей целиком, без остатка – тогда быстрее проходил день и наступал вечер. И можно было снова попытаться заснуть, с надеждой увидеть меня во сне и даже – чем черт не шутит – наяву.

Но черт не шутил. Вообще. Ему было просто не до нас.

Тогда, мы придумали... нет, не телефон, телеграф или голубиную почту. И даже не всемирную паутину – интернет. Но – придумали. И сразу начали ужасно много разговаривать друг с другом и еще больше смеяться – над собой и над чертом. Вообще-то, я представляла его вполне маленьким и симпатичным. Чертенком, а не чертом. Я смеялась потому, что надеялась разозлить его, чтобы он, наконец, обратил на нас внимание. Ты – просто потому, что тебе было хорошо со мной. Так хорошо, что все, что «без меня», казалось серым и незаметным.

Обычно, когда я рассказываю эту историю своей собаке, именно в этом месте, ее левое ухо начинает подергиваться, она наклоняет набок голову и неслышно спрашивает:

– Ну, а ты? Тебе-то с ним было – как?

А я улыбаюсь, треплю ее по голове и вздыхаю.

– Почему же – было?

...Однажды я попросила тебя:

– Расскажи, а почему самолеты летают?

Ты принялся объяснять так долго и обстоятельно, что время превратилось в смолу и капало, и тянулось, и никак не могло затвердеть, и тогда я купила билет на самолет и просто прилетела туда, где ты живешь, в твой город – к тебе.

Осень страшно удивилась и даже перестала капризничать. Деревья насторожились, дожди спрятались в почтовые ящики, а городские собаки приветствовали меня веселым, залихватистым лаем.

Ты молча стоял у дверей, но чуть в стороне, и я почти-почти пробежала мимо. Еще бы, так торопиться тебя увидеть, да и все остальное – тоже...

– Положись на меня – говорил ты мне всегда, и это превратилось в мечту, вот прилечу – и положусь.

Ты все-таки успел схватить меня – пробегающую мимо – за руку и остановить.

– Откуда ты взялась? – спросил ты, и я почувствовала щекой твою ладонь.

Я была не в силах ответить, ведь в эту самую секунду я говорила с твоими пальцами, потом, с твоими губами, а потом... И мне просто пришлось указать тебе вверх, на небо.

– Значит, ты – небожительница? – спросил ты и засмеялся.

И мне оставалось только кивнуть – ведь это было последнее, что я слышала. Дело в том, что от счастья я обычно теряю сознание. Вот и на этот раз...

...Я, наконец, очнулась в твоих руках и услышала – близко-близко – стук твоего сердца, но оказалось, что уже очень поздно и мне пора улететь обратно.

В аэропорту ты подвел меня к летчику и попросил его:

– Вот эту самую небожительницу, доставьте, пожалуйста, в целости и сохранности.

Тот кивнул и произнес:

– Конечно, только необходимо пристегнуться.

Тут я отчего-то жутко запаниковала и попыталась тебе крикнуть через круглое окошко, что этот летчик – ненастоящий, а, скорее всего, переодетый в летную форму тот самый чертенок. И если он начнет шутить – одной мне будет не справиться.

Но это окошко было такое толстое, к тому же осень просто разревелась от досады, а собаки вокруг завывали от тоски – и ты меня не услышал.

Когда мы пролетали над твоим домом, я закрыла глаза. Чтобы не умереть – это же понятно, правда?

Наконец, самолет помахал крыльями круглому берегу и набрал высоту. Летчик включил автопилот и уселся рядом со мной.

– Нет, это не черт, – сказала я себе сквозь закрытые глаза. – И уж совсем не чертенок. Разве могут быть у них такие требовательные руки?

– Просыпайся же, наконец, небожительница. Сколько можно спать?

Ты сидел рядом, одетый в летнюю форму и улыбался.

– Мы пока поживем здесь с тобой – не возражаешь?

Я боялась дышать – чтобы ты не исчез. Может, поэтому, начала задыхаться на самом деле.

– Здесь? Но – где? Это же...

– Да, самолет. Ну и что? Впрочем, пока можем и прямо на небе – как тебе больше нравится. Ты дыши, дыши.

– Ага... Но почему – на небе?

– Так ты же – небожительница и, значит, тебе тут самое место.

– А что значит – пока?

– Не обращай внимания. Это сложно объяснить. В общем, мне пришлось остановить время. Мы сможем оставаться здесь, сколько захотим.

Я задышала, как раньше, как обычно и даже немного глубже.

– Здорово. Тогда давай снова начнем с того момента, где мы остановились.

– С какого? Напомни.

– Когда я открыла глаза и услышала стук твоего сердца.

– Ну... вот. Теперь можешь открывать. Открывай и – слу-

шай...

Обычно в этом самом месте моя собака ложится передо мной – голова на передних лапах, в глазах слезы – и смотрит на меня неотрывно.

– Что за глупости, Джесси? – я укоризненно качаю головой. – Что за слезы? Ты же знаешь лучше других – все кончится хорошо.

Она виновато скулит и тычется мордой мне в колени – просит рассказывать дальше.

Но, именно в этот момент, у меня всегда находится уйма неотложных дел, я вскакиваю с дивана и начинаю носиться по дому, как угорелая.

– Доскажу потом, ладно? – бросаю я ей на ходу, и она разочарованно вздыхает. А куда деваться?

Дело в том, что еще ни разу я не дошла до конца нашей с тобой истории. Я всегда останавливаюсь на самом интересном месте.

Потому, что – чем черт не шутит, а? Даже, если это всего-навсего – чертенок.

Да и не так уж это сложно – остановить время.

Надо, хотя бы, просто попробовать. Для начала...

– Какая в этом месте глубина?

– Да нет там никакой глубины, место падения у самого берега, сплошное мелководье. Весь фюзеляж на поверхно-

сти. Почти целый, кстати. Но, конечно, только снаружи. Я это имею в виду.

– Уцелевших нет?

– Откуда? Ты что, вчера родился? Это у тебя какая?

– Что – какая?

– Катастрофа. Выезд на место авиационного происшествия.

– Э-э-э... Третий...

– Тогда ясно. Еще на пару-тройку таких АП съездишь, вопросы сами отпадут. Хотя, все бывает, конечно. Грешно говорить – пилоты постарались, видимо, перед самой землей, вернее, водой, вертикальную скорость уменьшить, насколько возможно. Да и какая-никакая, а вода тоже смягчила удар. Уцелеть, конечно, все равно невозможно, но хоть не меси-во. С опознанием меньше работы будет и вообще. Непонятно мне, почему же он так до полосы и не дотянул. Всего ничего оставалось, меньше двух километров. В переговорах – ничего такого. Может, погода? Она, конечно – дрянь была, но не до такой степени, другие садились. Эх, побыстрее бы регистраторы нашли. Там посмотрим...

– А у вас их много было?

– Чего? Выездов таких? Много. Я уж и считать перестал.

Ну, в отделе, конечно, фиксируют, статистику ведут.

– И как, привыкли быстро?

– Так видишь ли... привыкнуть совсем к такому невозможно. Но, в какой-то степени... А иначе только два вариан-

та – или работу менять, или – психушка. Выбирай, сынок... Алло! Да, слушаю. Понял, иду уже, иду. Да. Ну, вот. Бортовой регистратор нашли, вроде. Уже легче. Ну, идем, что ли...

...Ах, этот свет от зеленой лампы – той самой, единственной, что не дает мне уснуть.

Ты сидишь за столом. Твои пальцы скользят по клавиатуре, как по женщине.

Нет, как по мне.

За окном снегопад, а ветер воет и просится в дом. Снежинки прилипают лицами к оконному стеклу и смотрят на нас снаружи, долго, может быть, целую вечность, до следующего порыва ветра.

И когда я все-таки проваливаюсь в сон, и начинается моя, та – другая жизнь – то последняя мысль в еще длящейся этой: как же хорошо, что ты рядом. Как хорошо...

Ты называл нашу последнюю встречу крайней и смеялся. Ты – смеялся...

Конечно же, это слово – «последняя» – не для нас. Мы с тобой – это вечное начало, даже не продолжение, нет. Потому, что каждое мгновение нашей жизни – первое и впервые. Каждое.

Но именно тогда и случилось непоправимое – я не сумела вернуться и не смогла – остаться. И мои путешествия из жизни в жизнь – закончились.

Я пыталась – поверь. Собственно, я все еще пытаюсь, пы-

таюсь до сих пор...

Я подхожу к огромному зеркалу в серебряной раме, в котором всегда вечер. Оно так похоже на то, что было у нас в прихожей – помнишь? Я вглядываюсь в него и улыбаюсь, и жду – вдруг ты заметишь меня и позовешь – как всегда, одними глазами – как раньше, как тогда...

Но там – пусто. Ничто не отражается в нем – ни люди, ни цветы, ни облака... Ничего. А значит – я одна. Повсюду – и по ту и по эту сторону времени. Словно я назвала бога твоим именем, и все звезды погасли. И не остается ничего, только закрыть глаза и качаться на волнах моей нежности к тебе. Можно? Скажи – можно?

И ты – улыбаешься. Оказывается, ты все время был рядом, даже – ближе, чем рядом, ближе, чем я могла себе представить – просто, во мне, внутри. И, слава богу, с этим уже ничего нельзя поделать.

А потом... Потом в зеркале вдруг появляются люди, много. Те, кто нас любит, те, кого любим – мы. Они горюют и плачут – они вспоминают нас. А еще деревья, цветы и даже собаки. И все они плачут – тоже.

– Не надо! – кричу я.

– Зачем? Нам же так хорошо! – кричишь ты.

– Нам тут просто – улет! – кричим мы вместе.

Мы кричим так громко. Они бы обязательно порадовались за нас, если бы только услышали. Или увидели наши счастливые лица. Ты поднимаешь меня высоко над землей,

как пушинку – смотрите! А я – хохочу, оттого, что боюсь щечкотки и ужасно боюсь заплакать. Ведь раньше я умела возвращаться в зеркало, до того – последнего или крайнего, нет, конечно же, крайнего раза...

...Вот ведь, глупость какая. Почему они все думают, что мы умерли? Разве может быть кто-то живее нас? У кого еще такие теплые губы? Гляди же, гляди – эти колечки пара – я выдыхаю твое имя...

Ах, как часто я плакала раньше – помнишь? Стоило тебе улыбнуться чуть нежнее, чем обычно, или расстегнуть воротник рубашки, так, что я могла видеть тебя еще глубже, чем насквозь – и слезы набухали в глазах, переливаясь сквозь плотины ресниц. Тогда ты сердился, болея за меня – боже мой – так сильно и так ласково. И, чувствуя твою ласку и твою силу – я уже совсем не могла остановиться и плакала, и плакала, и плакала...

Все это – в прошлом. А сейчас – возьми меня на руки. Убаюкай меня. Усни, зацелованный мной. И пусть зеркало всегда будет рядом. Потому, что тогда они обязательно когда-нибудь увидят и поймут, что мы не умерли, что мы – счастливы. И полюбят нас – снова.

Скажи мне, что это возможно.

И, может быть, я – наконец – не проснусь...

Из выпуска новостей:

«Сегодня опубликовано заключение комиссии Межрегионального авиационного комитета о результатах расследования авиакатастрофы, произошедшей около пяти месяцев назад с самолетом компании... в районе...

По заключению экспертов, никаких отклонений и отказов в работе систем воздушного судна не обнаружено. В момент катастрофы, оно находилось в технически исправном состоянии. Также, ничто не указывает на ошибочные действия экипажа и его профессиональную или физическую неготовность к выполнению полета. Возможно, решающее влияние оказали, сложившиеся в том районе, погодные условия. Таким образом, причина катастрофы, унесшей жизни ста девяти человек, осталась невыясненной. Два пассажира, тела которых так и не были обнаружены, признаны пропавшими без вести».

– ...и сам не представляю. Не было такого в моей практике. И не только в моей. И слава богу. Люди, даже мертвые, не должны исчезать бесследно. Находят – всех. Всех и всегда. Хотя бы – фрагменты.

– Но ведь исчезли.

– Да. И сколько я ни думал, ответа так и не нашел. Значит, причина может быть лишь одна-единственная. И что касается этих двоих и всей этой странной катастрофы, вообще.

– Какая же?

– Нечистая сила. Или бог. Или и то и другое – вместе...

Собаки – ужасно умные существа. Моя-то уж точно. Поэтому она уже давно не задает никаких вопросов.

Потому, что поняла – на некоторые из них ответов не найдешь. А может, их и нет вовсе.

Она выбрала место в спальне – слева от кровати, с моей стороны – только поднимет голову и сразу видно меня спящую.

Каждое утро, на рассвете, как только в дом начинает проникать жизнь, Джесси приоткрывает глаза и ревниво наблюдает – ну, что там у вас? Опять милуетесь?

...Я еще сплю, но чувствую твоё дыхание, и твои губы шепчут – едва касаясь – прямо мне в сердце:

– Проснись, ласточка моя. Пора вставать, уже утро. И снег, повсюду – снег. Посмотри в окно...

Как же хорошо, что ты – рядом...

Я выглядываю в окно – там все те же тяжелые, серые облака, что и вчера, и позавчера, и раньше.

– Скажи, – спрашиваю я, – Что же все таки это было? Птица, пожар, молния – что?

Ты улыбаешься и прижимаешь меня к себе так крепко, что даже немного больно, и молчишь. Ты привык к моим странным вопросам, моим переменам настроения и близким слезам.

Ты привык ко всему – даже к нашему счастью.

И к тому, что за него надо платить.

– Не беспокойся об этом, девочка моя. Я с тобой, мы вместе, а значит – это мог быть только бог. Другой причины просто не существует.

И значит – нам не о чем волноваться, правда?

Счастливая сказка

– Слушай, ну ты еще долго?

– А что случилось?

– Да я совершенно запуталась, ничегошеньки не понимаю – с какого еще конца можно за это взяться?

– Вот ведь ты какая – ни минуты покоя... Ну вот, пришел. И что тут у нас непонятого? Что происходит?

– В том-то и дело, что ничего. Вот – все непонятно. Все неживое какое-то, понимаешь? Как из пластилина. Не могу я больше.

– Ты погоди, погоди... Вечно ты бежишь впереди паровоза. Служенье муз не терпит суеты – помнишь?

– Помню, да.

– Ну вот... Знаешь, налей-ка чаю. Или нет, давай лучше я. Я сам налью. Не сюда, нет. Из толстых керамических кружек пьют не чай, а... неважно. Пить надо из чашек, чайных чашек. Желательно – тонких, с завитками на ручке и обязательно, слышишь – обязательно – с блюдцем... Чашка без блюдца – это... неважно. И – запомни. Первый глоток, он самый главный. Потому, что – первый. В общем – все как в жизни, ничего нового. Если первым глотком обожжешься, потом уже удовольствия не получишь. А варенье, между прочим, надо не ложкой из банки, а ложечкой – из розетки... Оно же вишневое, так ты не спеши, получи удовольствие.

Уже лучше, правда ведь? А теперь поговорим, только, пожалуйста, не торопись. Итак?

– Ну-у-у... Я сделала все как обычно. Начала с описания случая – редкого, удивительного, даже уникального. И вдруг – все повисло, ни туда, ни сюда.

– Разумеется. Иначе и быть не могло. Я ведь тебе все время повторяю – нет на свете ничего нового.

Уникального, тем более. Нет – понимаешь? Все уже случилось под этим небом, все уже было. У тебя с самого начала неправильный подход, в этом все дело.

– А мы? Мы с тобой – тоже?

– Мы – нет. Мы с тобой, действительно, исключение. Не каждый из нас, а мы вместе. Мы – флюктуация, отклонение от нормы, с той самой секунды, как встретились и образовали новую сущность.

– И в чем она – сущность эта?

– Хм... Ну, это же так просто. Мы с тобой излучаем счастье. Все остальные стараются ухватить хоть крохотную его частицу, а мы его дарим. Берите...

– Ну вот, снова за меня все рассказал.

– Ты же сама меня позвала...

– Да, но не для того, чтобы ты диктовал мне текст. Я ожидала совсем другого.

– Все, что хочешь.

– Все-все? Правда?

– Ну... В разумных пределах...

– А это как? Я такого не понимаю. Вот веришь ли, не знаю я такого.

– Верю. Тебе – верю. Потому, что ты моя...

– Погоди, не торопись, ну пожалуйста.

– Я – годю.

– Давай начнем сначала.

– С удовольствием. Ну...

Они лежат в постели уже целый длинный день.

Солнце сначала встало, потом зашло и, уходя, разломило комнату надвое.

Половицы раскраснелись и закрипели еще нежнее, еще музыкальнее.

Цветы устали прислушиваться к шепоту и, свесив головы, задремали. Они знают, что и в этот раз все кончится хорошо, то есть – не кончится никогда.

И, самое удивительное, даже время остановилось – послушать. А слова, как горошины, как разноцветные шарики, падают на пол и разбегаются по углам, где луна, еще нечеткая, круглая клякса, слизывает их языком, как сметану с блюдца.

Дыхание сбивается в жгут, как и горячие, влажные простыни.

Они умирают и молодеют. Они – живут...

А потом – наступил новый день.

Окно распахнулось, и ветер подхватил исписанные за

ночь листы, закружил их по комнате.

Книга закричала и родилась.

Он встал из-за стола, потянулся и улыбнулся – счастливо и беззаботно.

Посмотрел на нее, спящую. Подошел, наклонился, провел губами по плечу к шее.

– Ты выспалась?

– Нисколечко...

– Тогда не вставай, мне очень нужна твоя помощь.

– Что-то случилось?

– Да.

– Что – скажи?

– Я хочу еще...

– Чего?

– Тебя...

– Но это невозможно, я ведь даже...

– А если я – прикажу?

– Я... послушаюсь. Прикажи, ну...

– И-?..

– Да, да, да...

Первым, как всегда, вернулось солнце.

Вслед за ним подняли свои поникшие головы цветы. Вдохновение бродило по комнате, размышляя, а стоит ли собирать разбросанную где попало одежду...

Они спали, а их книга смотрела на них и – улыбалась...

Пятое время года

Рассказы

Пятое время года

1. На левом боку

– Расскажи мне сказку...

– Сказку? Ты хочешь сказку? Ну хорошо, вот тебе сказка, слушай. Жила-была белочка...

– Нет, не эту, другую какую-нибудь. Эту ты вчера рассказывал. И позавчера, по-моему, тоже...

– Ну... Я других – не знаю...

– Ты все знаешь.

– Если так, поворачивайся-ка ты на левый бок и – спать...

– Еще рано...

– Маленьким девочкам – в самый раз.

– Я не маленькая, у меня уже морщины.

– Нет у тебя никаких морщин, поняла? У тебя – морщинки. И они тебе к лицу – ужасно...

– Что, на самом деле? И много?

– Морщинок? Ну, я не считал. Но каждая – к лицу.

– Ты врешь.

– Нет, я же тебя до самой последней капельки разглядел...

– И как?

– Ты мне подходишь. Так и быть, беру тебя навсегда, навечно.

– Хм-м-м... А как это – берешь? Что я – вещь, что ли?

– Ты-то? В общем – да. И не просто вещь, а – моя...

– Ну, допустим... А почему именно на левый? На левый бок – почему?

– Так я к этому и веду. Про то и сказка. Ты – слушай...

Она послушно укладывается на левый бок, ладошку под щеку, ресницы пушистые – хлоп-хлоп – и сложили крылышки. И – уже из самого сна:

– Ты сказку, сказку давай...

А как же иначе, если обещал...

– Жила-была белочка. Это у нее прозвище такое было – белочка. Вот только я этого раньше не знал и называл ее про себя девочкой. И были мы с ней, девочкой-белочкой моей, в разлуке очень долго – почти всю жизнь.

Но есть такой закон, физический, а может, химический, не помню, неважно, что пережить с белочкой разлуку очень трудно. И чем дольше – тем труднее. Вот такой беличий закон. Поэтому, когда мы, наконец, встретились – чуть не умерли от счастья.

То есть это она – от счастья.

А я – оттого, что она может вот так раз – и умереть, и выходит, зачем же я тогда ее встретил? Но все-таки как-то мы смогли удержаться друг за друга и – выжили. Правда, для этого пришлось так крепко друг за друга ухватиться, что когда настало время расцепить руки, а оно – так и знай – всегда настает не вовремя, оказалось, что это невозможно. Никак невозможно.

Такой беличий закон...

А еще оказалось, что самое удобное положение для двух, едва не умерших от счастья тел – как раз на левом боку и так близко, что...

Ну вот, уснула... И хорошо, и славно. Да и сказка моя сегодня уж больно неправдоподобная вышла.

А на самом деле, было все совсем-совсем не так. Она и не помнит уже, поди, как все начиналось. Слишком слабенькая она сейчас – белочка моя – чтобы все, как было на самом деле...

А мне – каждое мгновение – словно вчера...

2. Анорексия

В самый первый раз мы встретились в больнице.

Я делал утренний обход со студентами, дежурный ординатор докладывал о поступивших за ночь.

– Больная – Белкина Светлана Игоревна, девятнадцать лет, поступила в состоянии истощения... степени, предва-

рительный диагноз – анорексия. Биохимические показатели крови... Ранее у психиатра не наблюдалась и на учете не состояла, родители – также.

– Назначенное лечение?

– Инъекции витаминов, питательные добавки. В случае отказа от приема пищи – питание через зонд и психотропные препараты...

– Ну что же, – обращаюсь я к своим студентам, – давайте познакомимся с больной, а потом вы мне скажете, какое дополнительное лечение ей показано с вашей точки зрения. И я поворачиваюсь к Светлане Игоревне Белкиной...

...На вид – не более четырнадцати-пятнадцати. Хрупкая, тронь – разобьется. Волосы короткие, почти черные, щеки ввалившиеся, глаза в пол-лица – серые, злые, упрямые, нелегко с такой...

– Доброе утро, Светлана Игоревна.

– Здравствуйте...

– Я – заведующий этим отделением, зовут меня Михаил Андреевич. Ну, а со мной, вот – мои студенты.

– Вижу...

– Нам, Светлана, поговорить надо, ты ведь это и сама понимаешь. – Я присаживаюсь на стул рядом и держу паузу. В самом начале – лучше не ошибаться. Как правило, психиатрические пациенты идут на контакт очень даже охотно. Потому, что ждут – Доктора. С большой буквы. Ведь только он поймет то, что они без утайки готовы ему рассказать. А рас-

сказать они хотят – очень. И это ощущение общей тайны, общего понимания, помогает обоим, даже если оба они догадываются, что это всего лишь – иллюзия. Мне – лечить, больному – делать вид, что лечится. Ведь каждый из нас уверен, что сможет перехитрить другого...

Конечно, есть медикаменты. Есть учреждения закрытого типа. Но я сейчас говорю о первой встрече, первом контакте. Это ведь как у дрессировщика – кто кого переглядит в самом начале, либо ты, либо – тебя. И если удастся протянуть хотя бы слабую нить взаимопонимания, тогда даже и гипноз попробовать можно...

...И тут она заплакала. Беззвучно и очень горько.

Как и всякий нормальный мужчина, я равнодушен к женским слезам. Привычка, отпечаток профессии – да, но когда плачет женщина, почти ребенок...

Я сделал движение головой, и кто-то из студентов бросился за водой, остальные затихли и посерьезнели.

– Ну, вот... Не надо плакать, слышишь? Не надо, выпей воды и успокойся... Хочешь, я попозже найду, хочешь?

А она... утерла рукавом больничного халата слезы и улыбнулась – нахально и вызывающе – прямо мне в лицо.

– Это я вас проверяла. Рохля вы или как...

...– Э-э-э-э... И – как?

– Да никак. Обычный мужик. Тяжело вам будет со мной...

– И что ты предлагаешь?

– Хотя бы перестаньте мне тыкать для начала. Я же вам

не тыкаю. Или, если я моложе вас, худая и лежу в вашем отделении – мне уже и тыкать можно?

Я, конечно, несколько растерялся, но виду не подал – еще не хватало, да и перед студентами моими... И не такое видели. К взбрыкам я должен быть готов, и готов – всегда, иначе, какой я завотделением, профессор, ну и так далее. Правда, я предполагал нечто иное, более гендерное, а тут сплошные дочки-матери. Да она все гормоны свои от голода порастеряла. А они бы не помешали... Я знаю, что нравлюсь женщинам, и многие пациентки на меня... западают, глаз кладут, и я им не мешаю, в работе это иногда здорово помогает. Я для них делаюсь чем-то вроде гуру, и гипноз дает тогда совсем иной эффект...

...А что, если попробовать нарочитую строгость... Она может быть воспринята с сексуальным оттенком, и тогда...

Я нахмурился.

– Ну что же, вы правы, Светлана Игоревна. Тыкать вам, в самом деле, не следует. Я полагал, что это поможет нам с вами сэкономить время, помочь вам быстрее и эффективнее. Но раз вы предпочитаете так...

– Я никак не предпочитаю, я устала. Я не могу больше говорить. Пожалуйста. Потом...

...Потом было много чего.

Вот, например, разговор с ее матерью:

– Да поймите вы, доктор! Светка, она с детства чувстви-

тельная такая. И упрямая. Если чего хочет и не получает – перестает есть, и все. Уж чего я только не пробовала, поверьте, а потом махнула рукой и стала ей все разрешать. И – ничего, выросла нормальная девка. Школу почти с отличием... Ведь почему сейчас-то она с катушек слетела? В институт недобрала, в медицинский, кстати. Ну, недобрала, так что, на нем свет клином сошелся? Вузов этих – на каждом шагу. Или в будущем году поступила бы – она же молодая, годом раньше, годом позже... А она есть перестала – самой себе назло, так выходит... А что я могу сделать? Взрослая она уже, сама за себя в ответе...

...И остался я один на один с этим чудом по имени Света Белкина. Моим наказанием, моим сумасшествием, моей усладой. Белочкой моей...

Кто же знал, что так все обернется...

Хотя иногда мне кажется, что именно она-то и знала, потому, что она, вообще говоря, знала – все. Только вот понял я это гораздо позже, когда она оказалась уже внутри – во мне. И остальное перестало иметь значение, а так и осталось – остальным...

3. Гипноз

– Здравствуйте, Светлана.

– Доброе утро, Михаил Андреевич.

– Мне необходимо вам кое-что сказать. Важное.

– Я вас слушаю.

Она сидит на кровати – глаза в пол, больничный халат – мешком, на ногах тапочки, домашние, веселые, детские – ну ребенок, ребенок и есть, за что ее сюда?

...– Вы сами все понимаете... Режим нарушаете, пищевые добавки не принимаете, вес ваш остается прежним. Если так продолжится и дальше...

– Нет... – шепчет она и еще ниже наклоняет голову. – Пожалуйста, я не хочу через трубку. Лучше... Лучше загипнотизируйте меня...

Я молчу. С умыслом. Пусть до нее, наконец, дойдет, пусть...

– Мне говорили, рассказывали, – умоляющий взгляд на меня, – Вы же умеете, пожалуйста, ну...

– Говорили – это одно, а на деле... все не так просто – я качаю головой, поддаваться на уговоры тоже надо не сразу. – Гарантий нет. Может, получится, а может... И что тогда? Зонд?

Глаза у нее – словно домой попал после долгого отсутствия. А когда она все-таки улыбнулась...

– Для того, чтобы получилось, мы должны доверять друг другу. Вы – мне, а я – вам.

– Я доверяю. Я вам правда доверяю, очень. Честное слово...

– А я вам – не очень. И вовсе не уверен, что вы на самом деле хотите вылечиться.

– Я хочу! Пожалуйста, попробуйте гипноз, я вас очень прошу...

Я хотел бы ей поверить, но обычно такие больные крайне редко признают, что больны. Они искренне считают свой вес чрезмерно большим и борются с ним до последнего. Тогда – что это? Со мной – в поддавки? А впрочем... Или сейчас – или...

И у нас получилось. Только странный какой-то был сеанс. Мне до сих пор так и непонятно – кто же кого гипнотизировал? Или вернее, кто из нас добился своей цели – она или я...

Да и в чем она заключалась – наша цель? Наша...

– Попрошу вас сесть сюда. Так, да. Вам удобно? Ничего не мешает, ничего не беспокоит?

Она поеживается, заметно нервничает, ее руки все время в движении, наконец успокаивается и смотрит мне прямо в глаза.

– Вам не холодно?

– Нет, доктор, все в порядке. Я готова, можно начинать...

Она смотрит на меня своими прозрачными серыми глазами и делает вид, что верит. И я ей тоже – почти верю. Почти...

– Ну что же, приступим...

...Погрузить ее в гипнотическое состояние оказалось на удивление несложно. Мне даже показалось вначале, что она

все еще играет, сидит в полном сознании и смеется про себя. Но профессионализм присутствует всегда – моторика, вазомоторика, вербальные реакции – стандартный набор...

Я довольно быстро убедился, что внушение работает, и начались мои вопросы и ее ответы. Разумеется, то, что и как я говорил, было продумано заранее, да и методика определенная существует и реально работает, но золотое правило – не делать резких движений, но всегда быть к ним готовым – необходимо не только пилотам формулы один... Поединок – другого слова не подберешь...

– Расскажи мне про школу. Как ты училась?

– Школа кончилась...

– А что началось?

– Еще не знаю...

– Расскажи мне про родителей.

– Неинтересно...

– А что тебе интересно?

– Интересного слишком много. Я не успеваю.

– Почему ты не успеваешь? Что тебе мешает?

– Я не умею слушать. Не умею видеть...

– Но ты же сейчас слушаешь меня.

– Это другое дело...

– Почему?

Молчание.

– Кем ты хочешь стать?

– Врачом...

– Почему?

– Не знаю...

– Что для этого нужно?

– Нужно быть сильной...

– А ты – сильная?

– Нет...

– Почему? Чего тебе не хватает?

– Меня слишком мало...

– Из-за того, что ты не ешь?

– Нет...

– Почему ты не ешь?

– Чтобы стать сильной...

– Неправильно. Ты не ешь, чтобы на тебя обратили внимание.

– Кто?

– Все те, кто тебя окружает – врачи, медсестры, нянечки – все...

– Неправильно. Мне никто не нужен. Только...

– Только – кто?

– Вы...

Вот это да! Но нельзя держать паузу...

– Ты добилась своего – я обратил на тебя внимание. Что дальше?

– Зависит от меня. Вы женаты.

– Я женат, правильно. И что?

– Я хочу вас и я вас получу. И еще я очень хочу спать...

Ее ответы кончились, и это было хорошо.

Потому, что и мои вопросы закончились – тоже. Пока – закончились...

...Дела ее пошли на поправку. Потребовалось еще два сеанса, и стало ясно, что можно будет обойтись без психотропных. Вопрос о принудительном питании тоже отпал – Светлана начала набирать вес, да и настроение ее тоже изменилось соответственно.

Из первого нашего сеанса она не помнила абсолютно ничего – я проверял не раз. Но если случалось остаться с ней наедине, неловкость между нами все равно ощущалась – обоими. На меня она теперь смотрела снизу вверх, слушалась и вообще была паинькой.

Когда ее выписывали, я, проходя через вестибюль к выходу, увидел ее – она сидела, сложив руки на коленях, смотрела на меня с робостью и улыбалась.

– Здравствуйте, доктор! Меня сегодня выписывают, вы знаете, да? Вот сижу, маму жду, она должна приехать... Спасибо вам за все. Я ведь только благодаря вам... Из-за вас... Ну, вы понимаете, правда? Я вас никогда не забуду и не забуду... дейтесь...

Я кивнул, улыбаясь, протянул ей руку и хотел сказать что-то подобающее, но не успел – она вдруг обхватила меня за шею и впиалась мне в губы – на виду у всех...

...Я стоял, как истукан. Единственное отчетливое чувство в тот момент – злость на нее. Злость и желание перегнуть

ее через колено и выпороть – тут же. Чтобы – запомнила. И чтобы духу ее здесь...

– Разозлились, да?

Она стояла смеющаяся, довольная, только что не облизывалась.

– Не злитесь, вам нельзя на меня злиться, на пациентов не злятся, Михаил Андреевич, вы же – врач. Я просто очень давно хотела вас поцеловать. А если я чего-то хочу...

Она повернулась и зашагала к выходу, вертя худенькими бедрами почему зря.

И я почувствовал, что улыбаюсь...

С той минуты и – до сих пор...

4. Темные аллеи

В первый момент я ее, конечно, не узнал. Все-таки три года – это...

Очередная группа студентов, и среди них – она.

– Итак, кто может назвать мне...?

Я ее даже не сразу увидел за спинами остальных, невысокая, такая же хрупкая и совсем не повзрослевшая. Взгляд исподлобья и те же серые глаза...

– Э-эээ... Вы – Белкина? Белкина Светлана, я не ошибся?

– Да, меня так зовут. А откуда вы знаете?

– Откуда я знаю? Неважно. Вот вы и отвечайте на заданный вопрос...

И она, на удивление шустро и толково, рассказывает нам про шизофрению – причины, следствия, течение и признаки болезни, вторичные факторы...

Нет, я, разумеется, слышу, но ее выступающие детские ключицы, крохотная ямочка над правой бровью, на которую хочется смотреть, говорить с ней, трогать ее – всю жизнь...

...Я помню ее повадки и, выходя из больницы, оглядываюсь – не может быть, чтобы она...

– Михаил Андреевич!

Я хватаю за руку этот насмешливый голос, эти черные волосы, эти серые глаза...

– Идем!

Но мы не идем, я просто волоку ее за собой, почти насильно и не оглядываясь. Ее дыхание вот, рядом, на расстоянии двух наших вытянутых рук... Больничные корпуса остаются позади, нас обступают со всех сторон аллеи темных, предвечерних деревьев, я оборачиваюсь – и ее бледное лицо рядом – как вспышка – невозможно смотреть. Можно только прижать к себе и зажмурить глаза...

...Потом – ее красные, искусанные губы.

И нас осталось двое – психиатр и его пациентка.

Моя загипнотизированная девочка...

...Частная жизнь должна оставаться частной.

Открыв случайно чужое письмо, закройте его снова и не читайте. Слишком велик риск нарушить хрупкое равнове-

сие, имя которому – привычка. А еще, некоторые называют это счастьем.

Счастье – это другое, совсем другое. Это – взрыв. И редко, исчезающе редко – их черед. А совсем уникальный случай – заполнить такое счастье в вечное или, хотя бы, в длительное пользование. Фантастика...

У меня были тайны. Я изменял жене и раньше.

Человек может легко и до конца примириться только с одной единственной несвободой – несвободой от самого себя. Остальное – в щепки.

Но в этот раз...

И началась новая, совершенно другая жизнь...

Не знаю, как так получилось, но я вдруг понял, что люблю ее – как себя. Если вам это о чем-нибудь говорит. Пока однажды...

Лучше я расскажу по порядку...

5. Ласточка и цветок

Встречались мы всегда у нее. Она жила со старенькой бабушкой – глухой и почти слепой, та принимала меня за Светиною однокурсника, встречала ласково и тут же неслышно исчезала.

Света ждала меня всегда. Так она и сказала мне после первого же настоящего, «взрослого», по ее выражению, свидания.

ния.

– Приходи, когда захочешь. Я всегда тебя жду...

Мужчины не любят слишком навязчивых женщин, и я – не исключение. Услышав такое, я насторожился. Потому, что не может, не должна молодая, красивая девчонка жить лишь ожиданием своего великовозрастного любовника. Кругом жизнь, масса соблазнов, тусовки всякие... Да и вообще – «слишком» до добра не доводит.

– Только, если оно – не взаимно. И как же по-другому, если – да... – произнесла она вслух, и я почему-то совсем не удивился...

Мы лежим на раздвинутом стареньком диване, моя голова у нее на животе.

– Ты читаешь мои мысли?

– Ага...

– Тогда... О чем я сейчас подумал, скажи...

...– Тебе есть хочется... А теперь ты, ну... Чего хочется сейчас, вот прямо сейчас – мне?

– Не знаю... Гипнотизировать я умею, а вот мысли читать... Хотя, это ведь твои мысли, да? Я думаю... Я просто уверен, что... Ну, вот... – я слегка поворачиваю голову и приникаю губами к ее теплomu, гладкому животу. И он, дрогнув, подается мне навстречу...

...Я не буду вдаваться в интимные подробности, не ждите. Да и невозможно об этом так, чтобы... Но есть, есть такое, что пережить и испытать дано – немногим... Оно – как полет

ласточки или цветок, вздрогнувший от взмаха ее крыльев... Это просто – попробуйте. Стать ласточкой или цветком – хоть на секунду. Чтобы понять...

– Чур, я ласточка – выдыхает она, и я уже ничего не вижу...

За год мы так и не смогли привыкнуть друг к другу.

В остальном все было, как обычно – больница, студенты, дом, семья... Вот только однажды жена сказала мне мельком: – Ты как-то... молодеешь. Впрочем, тебе идет...

Я думал про нее все время, всегда. И дело не в теле ее. Хотя, конечно, и в теле. То есть не в самом теле, а в принадлежности его мне. И тоже – не только. Вот помните:

Нежнее нежного
Лицо твое,
Белее белого
Твоя рука.
От мира целого
Ты далека
И все твое —
От неизбежного.

Власть – сладкая забава. Я был уверен, что она вся – моя. И так оно и было. Так – и не так. Ведь она умудрилась стать и моей неизбежностью – тоже...

С ней мне никогда не было спокойно.

Порой мне казалось, что она ускользает – и я бесился. Молча, не показывая вида. А иногда она растворялась во мне до иступления, и я начинал вспоминать, что есть и другая жизнь, опасался осложнений, перемен и даже пару раз всерьез собирался с ней порвать.

Все это заканчивалось одинаково смешно.

Я приходил – ноги сами несли меня к ней, она – ждала, иногда открывала дверь еще до моего звонка и стояла не шелохнувшись – звериное чутье. Дальше... мы просто бросались друг на друга, терзали друг друга, пили друг друга, а потом – не могли наговориться, иногда не произнося ни слова...

Казалось – так будет всегда.

...В тот год мне исполнилось сорок.

Юбилей, ресторан, друзья, коллеги, семья. И – Света. Она пришла без приглашения, но когда столько гостей... Поначалу я взбеленился, хотел улучшить момент и... Но она вела себя вполне адекватно – сидела от меня далеко, общество свое не навязывала, на глаза не лезла. Правда, с женой и дочкой все-таки умудрилась познакомиться. Ушла рано. Подошла ко мне попрощаться, протянула руку и еле-еле слышно сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.